

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

УДК 811.161.1'01.373.4'42:821.161.1—343.5:271:643.3/4

ГОНЧАРЕНКО Алина Владимировна,

аспірант отдела русского языка Института языковедения имени А. А. Потебни НАН Украины;
ул. Грушевского, 4, г. Киев, 01001, Украина; тел.: +38 063 7789308;
e-mail: alinagon4arenko@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0001-6528-0873

НОМЕНКЛАТУРА БЛЮД МОНАСТЫРСКОЙ КУХНИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЖИТИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. *Предмет* исследования статьи — кулинарная номенклатура. *Материалом* послужили лексические единицы, выбранные из текста Киево-Печерского патерика. Основным методом является лексико-этимологический анализ названной тематической группы слов. *Цель* — выделить в её составе заимствованные и исконные элементы и охарактеризовать особенности их функционирования в языке. В *результате* проведённого исследования установлено, что основной пласт анализируемых номенов уходит корнями в праславянский и даже праиндоевропейский период. Немногочисленный слой книжной лексики представляют старославянизмы и грецизмы, которые часто являются терминами христианской культуры. Канонический характер памятника оказал влияние и на употребление некоторых исконных названий в книжной форме. **Выводы:** с течением времени часть слов претерпела лексико-семантические изменения. В частности наименования, обладающие в рассматриваемый период времени общим значением, постепенно стали названиями конкретизированных понятий. Они сохранили исходную семантику в отдельных современных восточнославянских говорах. Часть номенов архаизировалась ещё в древнерусский период. **Практическая значимость:** проведённое исследование позволяет не только постичь реалии материальной культуры восточных славян, но и исследовать закономерности становления и развития лексико-семантической системы древнерусского языка в последний период его существования.

Ключевые слова: тематическая группа лексики, древнерусский язык, старославянский язык, Киево-Печерский патерик, гипероним.

Постановка проблемы. Лексико-семантическая лингвистическая система, как известно, является наиболее динамичной по сравнению с другими ярусами языка. Поэтому её изучение невозможно без учёта исторических изменений слова. «Несомненно, что только при полном воспроизведении исторически сменяющихся или изменяющихся систем языка, — считал В. В. Виноградов, — может быть воссоздана вся картина изменений значений и оттенков слов» [3, с. 8]. С другой стороны, история языка открывает широкие горизонты для изучения реалий материальной и духовной культуры, особенностей общественной мысли того или иного народа.

Анализ последних исследований и публикаций. Несмотря на то, что вопросы исторической лексикологии восточнославянских языков рассматриваются учёными ещё с XIX в., на сегодняшний день эта отрасль языковедческой науки имеет немало «тёмных мест». Традиционными являются студии отдельных тематических групп и семантических объединений слов по памятникам древней письменности. Однако не все они изучены в равной степени. В частности, фрейм «пища» подвергся диахроническому лингвистическому анализу только с конца XX в. Полнее всего он был рассмотрен в диссертационной работе В. И. Невойт. Попытка исследования кулинарной лексики с древнейших времён до современности принадлежит Э. Г. Козыревой. На материале трёх казацких летописей к. XVII — н. XVIII в.в. эту тематическую группу изучала О. Ю. Крыжко. Одно из последних исследований, посвящённых анализу группы слов, называемой пищу и продукты питания в XIV–XVII в.в., принадлежит С. А. Яценко.

Постановка задач. Не менее интересным оказывается и изучение такой лексики в период, предшествующий распаду древнерусского языкового единства. В это время был создан первый оригинальный патерик на Руси — Киево-Печерский, своеобразие которого обусловлено объединением в нём книжной и народно-разговорной языковых традиций. В этой связи целью исследования является установление соотношения между исконными и заимствованными лексическими единицами, называющими пищу и продукты питания в тексте Киево-Печерского патерика.

Изложение основного материала. Процесс приёма пищи был одним из неотъемлемых элементов монастырского быта и требовал соблюдения особых предписаний. Начиная с приготовления блюд, необходимо было следовать установленным правилам. В Патерике описывается случай, когда киевский князь Изяслав посетил Печерский монастырь. Он, отведав «монастырских

брашень», был приятно удивлён вкусом еды. Как оказалось, секрет приготовления монастырской пищи состоял в благоговении иноков. Перед тем, как приступить к делу, повар шёл за благословением к игумену, а весь процесс приготовления должен был сопровождаться молитвами. Существовал и целый ряд других требований относительно рациона монахов.

В тексте Киево-Печерского патерика (КПП)¹ встречается несколько родовых названий пищи. Наиболее частотным выступает старославянизм *пища*, являясь адаптированной путём *шт > шч* древнеболгарской формой праславянского **pitja*. Как показывают примеры из текста Патерика, слово могло реализовываться как минимум три значения: общеродовое 'еда', а также 'пропитание' и 'духовная пища'. Ср.: *...и тако отъидоша и бес пища весь тѣй день пребыша* (КПП, с. 74); *...убогым же подаваа еже на потрѣбу и на пищу тѣмъ* (КПП, с. 70); *...и уча и утѣшаа и словеса увѣщеваа, душа их кормяше пищею негиблющею живота вѣчнаго* (КПП, с. 56). Выступая в таких значениях, по мнению А. С. Львова, термин является «типично старославянским словом, поскольку в других южных и западных славянских языках оно известно, в основном, в значении 'корм для скота'. Восточнославянские диалекты не знали образования **pit-ja > *piša*» [8, с. 157]. Сегодня исходную семантику слова сохраняет только русский язык. В украинском языке оно встречается в некоторых закарпатских говорах.

Значение 'еда' реализует в Патерике и ряд однокоренных терминов: *ядь*, *ядение*, *яства*: *...яко недовольну ему быти монастырьскою ядию* (КПП, с. 162); *Ты же, сим подобяся, попечение твориши о питии и о ядени, и сим славенъ ся творя* (КПП, с. 118); *Нѣкто бо от братіа в тайнѣ украд хлѣбъ, безъ того повелѣнія яств, и не можахе ясти* (КПП, с. 151). На книжную форму этих дериватов глагола *ясти* указывает начальное *я* (из **ě*) вместо ожидаемого *ѣ* (**ja < ѣ* (**ǎ*)), хотя сами образования имеют общеславянский характер. Ср.: укр. *їда*, *їжа*, рус. *еда*, *ежа*, бел. *яда*, *ежа*. Названные лексемы могут выступать в тексте и в других значениях. В частности, номен *ядь* называет трапезу: *...приготовить на вечерю брашна на ядь князю* (КПП, с. 61). Существительное *ядение* в отдельных случаях реализует сему 'употребление в пищу': *И устави въ монастыри своем, како пѣти пѣнія монастырьскаа ...и что яденіе в княя дѣни, все съ уставленіемъ Феодосій тѣи избрѣтъ* (КПП, с. 19–20). Окончание приёма пищи обозначается дериватом *отъядение*.

К группе гиперонимов примыкают также названия *снѣдь* и *снѣдение*. Внешняя форма этих слов, по аналогии с *ѣдь*, должна указывать на исконный характер лексем. Тем временем они, а также их дериваты, активно употребляются во многих старославянских текстах [15, с. 662–663]. Корень *снѣд-* хорошо известен современному украинскому литературному языку — *сніданок* 'завтрак', а также многочисленным русским говорам. Внешняя форма, а также широкое распространение слова в восточнославянской речи позволяют предположить, что оно не книжного происхождения.

Общеродовую сему 'еда, пища вообще' реализует в Патерике и номен *брашно*: *...се уже четвертый день иматъ не вкушаа брашна, ни въ одежду облачится* (КПП, с. 35). В таком значении слово известно и старославянским памятникам. На восточнославянской почве оно могло приобретать семантику мучного кушанья, также реализованную в анализируемом тексте: *...яко за два лѣта не вкуси хлѣба и воды, и ни от какого же брашна, ни от овоща* (КПП, с. 187). Называя такое конкретизированное понятие, лексема выступала в полногласной форме, которую продолжают сохранять различные говоры русского языка, а также литературный украинский язык — *борошно* 'мука'. По мнению Р. В. Болдырева, *брашно* уже в праславянском языке имело значение 'крупя, мука' [2, с. 88]. Из рассуждений Ф. П. Филина можно догадываться, что сема 'мучное кушанье' имеет южнославянское происхождение. Учёный считает, что слово *брашно* проникло в древнерусскую речь ещё в дописьменную эпоху в результате тесного общения восточных славян с южными. При этом он указывает на поморские варианты *брашня*, *брашенка* 'ржаная лепёшка'. В таком случае термин «не следует относить к разряду церковнославянизмов, а нужно рассматривать как обычное русское слово, заимствованное в отдалённую эпоху из других языков» [17, с. 148]. Тем не менее, книжный семантический компонент 'пища' является доминирующим в Патерике. По всей видимости, этот факт объясняется тем, что текст анализируемого памятника носит в первую очередь канонический характер.

В целом, черноризцы были непритязательны в еде, чего, собственно, требовал монастырский устав. Некоторые подвижники в знак своего смирения были особенно безразличны к пище. Так, о преподобном Антонии говорится, что «*ядъ же его бѣ хлѣбъ сухъ и воды в мѣру вкушаа*», блаженный Феодосий «*ядый хлѣбъ сухъ и зеліе варино безъ масла*», для Исакия Печерника «*снѣдь же его бѣ просфора едина, и то же чресъ день, и воды в мѣру піаше*».

Как можем видеть, вода и хлеб составляли минимум для поддержания жизнедеятельности человека (ср. семантику выражения *хлеб да вода*). Их можно было употреблять даже в пост. Таким образом, *хлѣбъ* был одним из основных продуктов питания. Неслучайно это слово

¹ В дальнейшем используется сокращённый вариант названия с указанием страницы в скобках.

является наиболее частотным в выделенной тематической группе. Несмотря на свою полисемантичность как в старославянском, так и в восточнославянском языках, в Патерике лексема выступает только в значении 'печёный хлеб': ... *иди, чадо, и не яви никому же сего, но испеци по обычаю братии хлѣбы* (КПП, с. 63). Однако утверждать, что в анализируемый текст слово попало из церковных книг, оснований нет. Оно имеет праславянский характер и хорошо известно восточнославянским языкам и сегодня. С течением времени лексема, по утверждению Ф. П. Филина и А. С. Львова, приобрела переносное обобщённое значение 'пища вообще' [17, с. 148; 8, с. 161–162]. В Киево-Печерском патерике иногда встречаем сочетание *чистъ хлѣбъ*. Именно такой хлеб келарь, послушавшись игумена Феодосия, решил приберечь на трапезу, когда соберётся вся братия, предложив оставшейся её части обычные «*манастырскыи хлѣбы*». Следует думать, что чистым мог называться белый хлеб, который иногда передавали в монастырь горожане. Сами монахи выпекали такой хлеб только на большие праздники: «... *установлено бысть преподобным отцем нашим Феодосіем въ пяток тоя недѣли* (первой недели великого поста. — выделено А. Г.) *да бывають имъ хлѣбы чисты зѣло, друзіи же от них с медом и с маслом творени*» (КПП, с. 59). Сырьём для изготовления хлеба традиционно было жито (в Патерике слово выступает также в общем значении 'хлебные злаки, зерна') или пшеница. Однако в голодное время с этой целью могла использоваться и лобода, как это описывается в Слове о Прохоре черноризце.

В некоторых случаях в древнерусском языке *хлѣбом* могла называться просфора, поскольку она представляла собой небольшой хлебец ритуального характера. Слово восходит к греческому *просфора*. Именно в памятниках, переводных с греческого языка, как было замечено З. Г. Козыревой, встречается название *просфора*. В памятниках собственно древнерусских засвидетельствованы различные фонетические варианты слова [6, с. 70]. В Патерике, в частности, в большинстве случаев наблюдаем народно-разговорные названия *просфура*, *просхвур*, *проскурное печеніе*. Появление таких форм может свидетельствовать об устном заимствовании восточными славянами греческого термина. В Печерском монастыре, как видно из текста, существовала даже специальная «должность» — *проскурникъ*. В «Материалах...» И. И. Срезневского приводятся и другие дериваты (*проскурница*, *проскурныи*, *проскурън*), что подтверждает мысль об изустном заимствовании термина [14, т. 2, с. 1570–1571].

Для называния части, ломтя хлеба, в тексте дважды упоминается субстантив *укруха*: ... *яко нечему же бы причастилься иному брашну, развѣ укруха хлѣба и сочиву* (КПП, с. 99). В праславянском языке существовала форма **kruhxъ*, которая, по мнению В. В. Мартынова, называла печёный хлеб, буханку хлеба и была вытеснена другим праславянизмом **xlebxъ* [9, с. 191]. Продолжая эту мысль, можем предположить, что появление начального *y-* (*o-*) в форме *укруха* (*окруха*) является указанием на часть от целого. Слово активно употреблялось как в книжной, так и в народно-разговорной речи, сохранившись и сегодня во многих восточнославянских диалектах. В старославянском и в древнерусском языках *укрухой* называли не только кусок хлеба, но и частицу чего-либо вообще. Как утверждает В. И. Невойт, форма **kruhxъ* могла выражать общее значение 'кусочек, осколок, щепка' [10, с. 62]. Сегодня она зафиксирована не только в диалектах, но и в литературных украинском и русском языках. Ср.: укр. *крихта*, рус. *кроха*, *крошка* 'мельчайшая частица, маленький кусочек чего-либо (преимущественно хлеба)' [13, т. 4, с. 352; 12, т. 5, с. 1709].

Помимо хлебных изделий монахам были известны и блюда растительного происхождения. В частности, Прохор черноризец «... *николи же хлѣба вѣкуси, развѣ просфоры, ни овоща никакова же, ни питія, но точію лободу и воду...*» (КПП, с. 150). На книжное происхождение лексем *овощ* указывает наличие *-щ-* вместо *-ч-*. В старославянском языке этим словом обозначались фрукты [15, с. 403]. Как считает В. В. Нимчук, вплоть до XVIII в. лексема функционировала в значениях и 'фрукт' и 'овощ' [11, с. 243]. В тексте Патерика, как кажется, реализуется традиционное восточнославянское значение 'овощ'.

Такую семантику в языке восточных славян мог приобретать и термин *зеліе*, выступающий в анализируемом памятнике в книжной форме. Однако считаем, что между выделенными словами в тексте существует семантическое различие. Г. Н. Лукина утверждает, что *зеліе* является общим наименованием дикорастущих съедобных растений [7, с. 120]. Известно, что инок Григорий «*имѣаше ... малъ оградець, идѣже зеліе сѣяше*» (КПП, с. 135). *Зеліе* варили или же ели сырым (суровым). Во многих случаях оно, наряду с хлебом и водой, было основным продуктом питания монахов: *иніи ядыхуть хлѣбъ с водою, иніи же зеліе варено, друзіи же сурово* (КПП, с. 94). По всей видимости, *зеліе* было родовым названием травянистых огородных растений, употребляемых в пищу.

Таковыми скудными яства монахов были не всегда. В праздничные дни, если была такая возможность, разрешалось приготовление сочива: «*В субботу же и в недѣлю сочива вкушаху; многажды же и въ та дни не обрѣтѣшуся сочиву, зеліе сваривше и то ядыху едине*» (КПП, с. 37). П. П. Толочко считает, что первоначально такое блюдо воспринималось как предмет роскоши [16, с. 229]. С течением времени по мере разрастания монастыря и, очевидно,

укрепления его материального положения сочиво, как можем видеть из текста, становится более обычной повседневной пищей: *И егда си приходяду к нему, таже блаженный по божественном томъ поученіи представляше им трапезу от брашень монастырскихъ, хлѣбъ и сочиво* (КПП, с. 54). В древнерусскую эпоху этим словом обозначалось зерно чечевицы (сочевицы), растения семейства бобовых [14, т. 3, с. 470]. По предположению В. И. Невойт, существительное *сочиво* имело обобщающее значение 'бобовые' [10, с. 91]. Тем временем в ранних редакциях Патерика в некоторых случаях встречаем замену лексики *сочиво* выражениями *варения горохови, четвертии гороху*. В связи с этим, более вероятной кажется мысль о том, что древние русичи родовое понятие 'бобовые' вкладывали в слово *горох*, а субстантив *сочиво* обладал более конкретным значением. Сема 'бобы' для выделенного термина, по мнению Г. Н. Лукиной, является окказиональной [7, с. 115]. Прослеживается и связь лексики с праславянским *soкъ* 'сок'. С. А. Яценко предполагает, что сама лексема **sočivo* образована для обозначения жидкости, содержащейся в зёрнах растений [18, с. 11]. Подтверждение находим в современных восточнославянских языках, где *сочиво* 'сок из конопляных, маковых и т. п. семян, употребляемый вместо масла; кушанье на таком соке, с таким соком' [13, т. 14, с. 440; 12, т. 9, с. 477].

Заправляли пищу древние русичи маслом. Этот термин мог использоваться для называния жира как животного, так и растительного происхождения. В Патерике слово называет только растительный жир. Из текста узнаём, что монахи производили масло «от земних съмень». При этом ранние редакции дают более конкретную информацию — «въ съмени лну». Несмотря на то, что его употребление в монастырском рационе разрешалось уставом, наибольшие подвижники, в частности Феодосий Печерский, «ядый хлѣбъ сухъ и зеліе варино безъ масла и воду піа» (КПП, с. 57). Использовалось оно и для бытовых церковных потребностей. В таком случае лексема сопровождалась определением *древяное*: «...маслу же не суцу древному на вливаніе кандилъ въ тѣй день» (КПП, с. 60). Как отмечается в коллективной монографии «История украинского языка. Лексика и фразеология», это было *масличное* (оливковое) масло, которое привозили на Русь торговцы [5, с. 121]. Происхождение анализируемого слова традиционно сводят к **maz-slo* от **magati* [4, т. 3, с. 407–408]. Изначально, видимо, этот продукт использовался для смазывания чего-либо, со временем став названием продукта питания.

Выводы. Таким образом, группа слов, называющая пищу и продукты питания, тесно связана с материальной культурой народа. Она является одним из древнейших пластов славянской лексики, уходящих корнями в праславянский и даже праиндоевропейский период. Это позволяет исследовать закономерности становления и развития названной микросистемы на фоне других систем языка эпохи древней Руси.

Литература

1. *Абрамович Д. И.* Кievo-Печерський патерик / Д. И. Абрамович. — К. : Час, 1991. — 280 с.
2. *Болдирев Р. В.* Походження слова «борошно» / Р. В. Болдирев // Рідне слово. — Вип. 8. — С. 86–90.
3. *Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 5–34.
4. *Етимологічний словник української мови* : у 7 т. / за ред. О. С. Мельничука. — К. : Наук. думка, 1982–2012.
5. *Історія української мови. Лексика і фразеологія* / відп. ред. В. М. Русанівський. — К. : Наук. думка, 1983. — 743 с.
6. *Козирева З. Г.* Лексика на позначення продуктів харчування з зерна (на матеріалі давньоруських пам'яток) / З. Г. Козирева // Мовознавство. — 1984. — № 3. — С. 65–70.
7. *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка / Г. Н. Лукина. — М. : Наука, 1990. — 180 с.
8. *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет» / А. С. Львов. — М. : Наука, 1975. — 367 с.
9. *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры : (К проблеме прародины славян) / В. В. Мартынов. — Минск : Изд-во АН БССР, 1963. — 250 с.
10. *Невойт В. И.* Название пищи и продуктов питания в древнерусском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. И. Невойт; КГУ им. Тараса Шевченко. — К., 1986. — 201 с.
11. *Німчук В. В.* Давньоруська спадщина в лексичі української мови / В. В. Німчук. — К. : Наук. думка, 1992. — 416 с.
12. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
13. *Словник української мови* : в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. — К. : Наук. думка, 1970–1980.
14. *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. — СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1893–1912.
15. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)* / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. — М. : Русский язык, 1994. — 842 с.
16. *Толочко П. П.* Київ і Русь. Вибрані твори. 1998–2008 р.р. / П. П. Толочко. — К. : Академперіодика, 2008. — 348 с.

17. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) / Ф. П. Филин // Учен. зап. ЛГПИИ им. А. И. Герцена. — Ленинград, 1949. — Т. 80. — 288 с.
18. Яценко С. А. Назви продуктів харчування, страв і напоїв в українській мові XIV–XVII ст. : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / С. А. Яценко; Ін-т укр. мови НАН України. — К., 2009. — 22 с.

References

1. Abramovich, D. I. (1991), *Kyiv-Pechersk patericon [Kyjevo-Pechers'kyj pateryk]*, Chas, Kyiv, 280 p.
2. Boldirev, R. V. (1974), «The origin of the word «boroshno» (flour)», *Native word [«Pohodzhennja slova «boroshno»]*, *Ridne slovo*, No. 8, pp. 86–90.
3. Vinogradov, V. V. (1995) «Word and meaning as an object of historical and lexicological studies», *Topics in the study of language [«Slovo i znachenie kak predmet istoriko-leksikologicheskogo issledovanija»]*, *Voprosy jazykoznanija*, Moscow, No. 1, pp. 5–34.
4. Melnychuk, O. (ed.), (1982–2012), *Etymological dictionary of the Ukrainian language : in 7 vol. [Etimologichnyj slovnyk ukraïns'koï movy : u 7 t. / za red. O. S. Mel'nychuka]*, Naukova dumka, Kyiv.
5. Rusanivs'kyj, V. M. (ed.), (1983), *History of the Ukrainian language [Istorija ukrajins'koji movy. Leksyka i frazeologija / vidp. red. V. M. Rusanivs'kyj]*, Naukova dumka, Kyiv, 743 p.
6. Kozyrieva, Z. G. (1984), Vocabulary to denote food products made of grain (based on Old Russian written monuments), *Movoznavstvo [«Leksyka na poznachennia produktiv harchuvannia z zerna (na materiali davn'orus'kyh pam'jatok)»]*, *Movoznavstvo*, Kyiv, No. 3, pp. 65–70.
7. Lukina, G. N. (1990), *Subject-household lexicon of the Old Russian language [Predmetno-bytovaja leksika drevnerusskogo jazyka]*, Nauka, Moscow, 180 p.
8. L'vov, A. S. (1975), *Vocabulary of «Tale of Bygone Years» [Leksika «Povesti vremennyh let»]*, Nauka, Moscow, 367 p.
9. Martynov, V. V. (1963), *Slavic-German lexical interaction in ancient times: (To the problem of the ancestral homeland of the Slavs) [Slavjano-germanskoe leksicheskoe vzaimodejstvie drevnejšej pory: (K probleme prarodiny slavjan)]*, Izdatel'stvo AN BSSR, Minsk, 250 p.
10. Nevojč, V. I. (1986), *Names of food products in the Old Russian language : Thesis : 10.02.01 [Nazvanie pishhi i produktov pitanija v drevnerusskom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01]*, KGU im. Tarasa Shevchenko, Kiev, 201 p.
11. Nimchuk, V. V. (1992), *Old Russian heritage in the vocabulary of the Ukrainian language [Davn'orus'ka spadshhyna v leksyči ukrajins'koji movy]*, Naukova dumka, Kyiv, 416 p.
12. Chernyšev, V. I. (ed.), (1948–1965), *Dictionary of the Modern Russian literary language : in 17 vol. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : v 17 t. / pod red. V. I. Chernyševa]*, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, Moscow & Leningrad.
13. Bilodid, I. K. (ed), (1970–1980), *Dictionary of the Ukrainian language : in 11 vol. [Slovnnyk ukrajins'koji movy : v 11 t. / za red. I. K. Bilodida]*, Naukova dumka, Kyiv.
14. Sreznevskij, I. I. (1893–1912), *Materials for the Dictionary of the Old Russian language in the written monuments : in 3 vol. [Materialy dlja Slovaria drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamiatnikam : v 3 t.]*, Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, Saint Petersburg.
15. Cejtlin, R. M., Večerka, R., Blagova, Je. (ed.), (1994), *The Old Church Slavonic Dictionary (for manuscripts of X–XI centuries) [Staroslavjanskij slovar' (po rukopisiam X–XI vekov) / pod red. R. M. Cejtlin, R. Večerki, Je. Blagovo]*, Russkij jazyk, Moscow, 1994. — 842 p.
16. Tolochko, P. P. (2008), *Kyiv and Russia. Selected works. 1998–2008 [Kyiv i Rus'. Vybrani tvory. 1998–2008 r.r.]*, Akadempriodyka, Kyiv, 348 p.
17. Filin, F. P. (1949), «Vocabulary of the Russian literary language of ancient Kiev epoch (based on the chronicles)», *Proceedings of Leningrad State Herzen Pedagogical Institute [«Leksika russkogo literaturnogo jazyka drevnekievskoj epokhi (po materialam letopisej)»]*, *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta imeni A. I. Gercena*, Leningrad, vol. 80, 288 p.
18. Jacenko, S. A. (2009), *The names of food, dishes and drinks in the Ukrainian language of XVI–XVII centuries : Author's thesis [Nazvy produktiv harchuvannia, stрав i napojiv v ukrajins'kij movi XIV–XVII st. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01]*, Instytut ukrajins'koji movy NAN Ukraïny, Kyiv, 22 p.

ГОНЧАРЕНКО Аліна Володимирівна,

аспірантка відділу російської мови Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України;
вул. Грушевського, 4, м. Київ, 01001, Україна; тел.: +38-063-7789308;
e-mail: alinagon4arenko@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0001-6528-0873

НОМЕНКЛАТУРА СТРАВ МОНАСТИРСЬКОЇ КУХНІ В ДАВНЬОРУСЬКОМУ ЖИТІЙНОМУ ДИСКУРСІ

Анотація. *Предметом* розгляду у статті є кулінарна номенклатура. *Матеріалом* слугують лексичні одиниці, вибрані з тексту Києво-Печерського патерика. Основним *методом* є лексико-етимологічний аналіз названої тематичної групи слів з *метою* виокремлення в її складі запозичених і питомих елементів і визначення особливостей їх функціонування в мові. У *результаті* проведеного дослідження встановлено, що основний пласт аналізованих номенів сягає корінням в праслов'янський і навіть праіндоевропейський період. Нечисленний шар книжної лексики складають старослов'янізми та грецизми, які часто є термінами

християнської культури. Канонічний характер пам'ятки вплинув і на вживання деяких питомих назв у книжній формі. **Висновки:** з плином часу частина виокремлених слів зазнала лексико-семантичних змін. Зокрема найменування, що мали в розглядуваний період часу загальне значення, поступово стали назвами конкретизованих понять. Вони зберегли вихідну семантику в окремих сучасних східнослов'янських говорах. Частина номенів архаїзувалася ще в давньоруський період. **Практична значимість:** проведене дослідження дозволяє не тільки осягнути реалії матеріальної культури східних слов'ян, але й дослідити закономірності становлення й розвитку лексико-семантичної системи давньоруської мови в останній період її існування.

Ключові слова: тематична група лексики, давньоруська мова, старослов'янська мова, Києво-Печерський патерик, гіперонім.

Alina V. GONCHARENKO,

Graduate student of the Department of Russian Language of O. O. Potebnya Institute of Linguistics of National Academy of Sciences of Ukraine; 4 Hrushevsky str., Kyiv, 01001, Ukraine; tel.: +38 063 7789308; e-mail: alinagon4arenko@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0001-6528-0873

NOMENCLATURE OF DISHES OF MONASTERY CUISINE IN OLD RUSSIAN HAGIOGRAPHIC DISCOURSE

Summary. The article is devoted to consideration of culinary nomenclature in the text of Kyiv-Pechersk patericon. A lexical-etymological analysis of the named thematic group of words allowed us to allocate both bookish and specific elements in its structure. It is established that the main layer of analyzed nomens is rooted in Slavonic, even in Indo-European period. Not numerous layer of bookish vocabulary consists of staroslavyanisms and gretszisms, which are often used as the terms of Christian culture. The canonical nature of remembrance has influenced on the use of some certain names in a bookish form. Over time, a part of allocated words has gone through the lexical-semantic changes. In particular, the names that had a general meaning during the considered time period gradually became the names of concretized concepts. They have kept the original semantics in some modern East Slavic dialects. A part of nomens has archaized during the Old Russian period.

The conducted research allows us not only to comprehend the realities of material culture of the eastern Slavs, but also to explore the formation patterns and development of lexical-semantic system of Old Russian language during the last period of its existence.

Key words: thematic group of vocabulary, the Old Russian language, the Old Slavonic language, Kyiv-Pechersk patericon, hyperonym.

Статтю отримано 3.03.2016 р.

УДК 811.161.2'282.36'367.6

ДЕЛЮСТО Марина Сергіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови і літератури Ізмаїльського державного гуманітарного університету; вул. Рєпіна, 12, м. Ізмаїл, 68600, Україна; тел.: +38 050 0533181; e-mail: mdelyusto@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9162-4131

ЧАСТИНИ МОВИ В ДІАЛЕКТНОМУ ТЕКСТІ

Анотація. Мета статті — продемонструвати особливості реалізації частин мови в діалектних текстах, записаних від носіїв української південнобесарабської говірки села Шевченкового Кілійського р-ну Одеської обл. **Предметом** розгляду є проблема опису й функціонування частин мови в українських діалектах. **Результатом** вивчення цієї проблеми в українській новожитній південнобесарабській говірці села Шевченкового Кілійського р-ну Одеської обл., що співіснує у межиріччі Дністра і Дунаю разом з говірками споріднених (російської, болгарської) та неспоріднених (румунської, гагаузької, албанської, циганської) мов, є доведення того, що діалектний макротекст — графічний аналог фонозаписів діалектного мовлення носіїв говірки — достовірне джерело інформації про функціонування граматичних класів слів. Становлячи певну завершеність, він уможливує використання статистичних **методів** і накладання інваріантної наддіалектної моделі. **Висновки:** новими характеристиками реалізації частин мови у говірках є ядерність і периферійність, надлишковість (наявність елементів граматичної системи, не властивих літературному стандарту та іншим українським говіркам) і лакунарність (відсутність реалізації притаманних інваріантній наддіалектній моделі складників). Останню рису проаналізовано й в аспекті функціонування граматичних одиниць, що передбачає зіставлення парадигматичних рівнів (форм і значень) як у межах морфологічної системи говірки, так і між стратами.

Ключові слова: говірка, діалектний текст, частини мови, інваріантна наддіалектна модель, лакунарність, надлишковість.